

2009 Июнь 1 журнал Театрал

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ: «Я СОБИРАЮСЬ ПРЫГАТЬ С ПАРАШЮТОМ»

БЕСЕДОВАЛА КАТЕРИНА АНТОНОВА

В июне в рамках фестиваля «Черешневый лес» состоится единственный концерт Дмитрия Хворостовского в Москве за очень долгое время. Будут

исполнены фрагменты из оперы Рубинштейна «Демон» и оперы Верди «Симон Бокканегра». За дирижерским пультом – Валерий Гергиев. Безусловно, это будет самое яркое музыкальное событие лета.

– Вы часто говорите, что предпочитаете давать небольшие двухчасовые концерты, а исполнять только несколько номеров за один вечер. Почему так?

– Потому что надо петь меньше да лучше.

– Голос – это дар. Вы ощущаете себя избранным из-за того, что у вас такой голос?

– Конечно, голос – это величайший дар природы. И очень важно прежде всего реализовать его. Нужно работать с ним. Представьте себе, что вам дали великолепную скрипку Гварнери или Страдивари. Вы сможете на ней что-нибудь сыграть, если вы не знаете трех нот? Нет, конечно. Вам нужно учиться как минимум семь лет, чтобы издавать приличные звуки даже на такой скрипке. А для того чтобы стать большим музыкантом, чтобы воспитать, вырастить себя до настоящего большого уровня, вообще неизвестно, сколько времени нужно потратить. То же самое с голосом. У всех коров и баранов поставленные голоса и очень хорошие резонаторы, но петь они не могут. Для того чтобы петь, тем более на сцене, надо владеть практически всеми видами искусства. Надо уметь не только, собственно, петь, но и вкладывать свое сердце и душу, проживать свой образ на сцене. По сути, большой и красивый голос – это только аванс, который обязывает тебя работать, не покладая рук, и посвятить всего себя, всю свою жизнь, все свое время музыке.

– Говорят, что большой успех и настоящие завоевания в искусстве требуют жертв практически всегда. Это так по вашему личному опыту?

– Да, конечно. Жертвенность присутствует в судьбах больших музыкантов, как правило. Без этого невозможно.

– Вы можете представить себя без своего голоса?

– Я – нет. Не могу. Я настолько весь в своей профессии, в работе со своим голосом, что ничем другим заниматься просто не могу и не умею.

– Вы как-то сказали, что очень боитесь думать о себе 60-летнем. Почему?

– Это, наверное, естественно. Я помню, что, когда я в пять лет думал о 2000 годе и о том, сколько мне будет в 2000 году лет, я был уверен, что это невозможно – быть таким старым! Вообще, невозможно! То же самое сейчас происходит со мной, когда я думаю о том, что мне будет 60 или 70 лет. Хотя может быть, что в 60 лет я буду чувствовать себя так же хорошо, как сейчас, или даже лучше. Потому что с жизненным опытом приобретается много хороших, нужных качеств. Я себя не помню в большем состоянии гармонии, чем сейчас, – уверенности в себе, в ощущении мира. Я таким не был ни в 30, ни тем более в 20 лет. Мне было гораздо тяжелее жить тогда, чем сейчас. Так что в 60 лет, надеюсь, будет еще легче, чем сейчас.

– Вы стали больше беречь себя, когда у вас появились дети, понимая, что если что-то с вами случится, то им будет плохо?

– Я собираюсь в скором времени прыгать с парашютом. Так что вряд ли. Но вообще, в моей жизни с рождением детей изменилось многое. И чисто творчески, конечно, я какие-то качества приобрел как исполнитель с их появлением.

– Вы давно привыкли и вообще привыкли ли к тому, что вы мировая звезда?

– Да бросьте, я сейчас умру от смеха.

– А как вы сами к себе относитесь?

– Это все ерунда про мировую звезду. Конечно, я не ощущаю себя никакой звездой. Я совершенно нормальный человек. В Лондоне, где я сейчас живу, я хожу через дорогу в магазин за продуктами в рваных джинсах. И с меня шапка не падает. Я чиню электричество в доме, подтираю полы иногда. Так что у меня нет никаких черт «мировой звезды». Я понимаю, что достиг определенного уровня и соответственно получаю по своим заслугам на работе. То, чего я стою, то я и получаю. Наверное, это естественно. Потому что, то, что я умею, мало, кто другой умеет в мире. Я абсолютно отдаю себе в этом отчет. Но то, что я умею, я завоевал это все сам. И я отвечаю за каждую фразу, за каждый свой шаг, за каждый поворот головы, глаз на сцене. Может быть, поэтому на моих концертах или спектаклях всегда полные залы.

– С опытом страх перед выступлениями притупляется или обостряется?

– С опытом невротические болезни усугубляются и волнение соответственно возрастает. Многие мои коллеги встречаются с психиатрами и проходят какие-то курсы терапии, чтобы излечиться от боязни сцены. Сцена в чем-то похожа на спорт, где гимнастки 12–13 лет преспокойно бьют опытных 17–18-летних спортсменов, которые начинают волноваться, думать о себе, и у них уже не так хорошо получается. Маленькие еще не понимают ответственности. А вместе с ответственностью, с осознанием все более и более высокой планки внутри себя люди начинают волноваться, особенно взрослые, – что в спорте, что на сцене. Преодоление этого внутреннего страха и открывает в человеке и для человека новые горизонты и поднимает его профессиональную планку.

– Какие свои выступления вы считаете неудачными: когда вы делаете что-то не так, как планировали, или когда реакция публики не такая, как вы ожидали?

– Бывает, что вдруг на какой-то миг начинаешь себе нравиться и думаешь, как же хорошо у тебя все получается, и именно тогда реакция публики бывает не такая, какой ждешь. И тогда начинаешь копать в себе, что, конечно, неприятно, но совершенно нормально. А бывает, что приходится петь и в больном состоянии, и с температурой. И, как правило, именно такие выступления и становятся наиболее значимыми и запоминающимися для публики и для тебя самого. У меня так всю сознательную жизнь. Я помню, как в 20 лет пел какой-то летний экзамен в консерватории, и очень плохо себя чувствовал – должен был чуть ли не в больницу лечь. Мне было тяжело, плохо и больно петь, а мои родители и друзья, которые сидели в зале, потом сказали, что я пел как в последний раз в жизни. Именно в таких состояниях, отец говорит, я пою лучше всего.

– Когда вы ходите на концерты как зритель, вы остаетесь строгим профессионалом или отключаетесь от своих профессиональных знаний?

– Я абсолютно отключаюсь от профессии. Я один из самых непривередливых слушателей. Я прощаю профессиональные погрешности. Для меня в принципе главное не это, когда я слушаю других, – не профессиональное, техническое совершенство, а эмоциональная отдача. Когда человек нараспашку раскрывает свое сердце на сцене, для меня это самое главное. Это

высший дар для человека на сцене, будь то актер, певец или музыкант-исполнитель, – когда открывается его душа, его сердце и происходит что-то самое сокровенное между артистом и зрителями, какой-то необычайный взрыв. А если еще человек профессионально совершенен, то это вообще настоящее счастье! Я прекрасно помню конец 1980-х начало 1990-х в России, когда часто было просто нечего есть, а залы на концертах классической музыки были полными. То есть люди приходили получить заряд магической энергии, этой волшебной информации – музыки, и для них это было самое главное. Важнее, чем пустые полки в магазинах. Я к этим людям тоже отношусь.

– Ваше основное ощущение от жизни и от людей, которые вокруг вас, какое? Радости? Борьбы? Наслаждения?

– Интересы. Ожидания и интереса. Я жду удивления и жду чего-то совершенно необычайного от людей. Я психологически готов к неожиданностям. Я верю в любовь, верю, что она правит миром. Когда она есть в отношениях, в поступках, на сцене, она переворачивает горы и способна сделать с людьми чудеса.

– Вы чувствуете себя зависимым в своей карьере – от публики, от успеха, от приглашений?

– Вообще говоря, я очень избалован судьбой, и обстоятельства моей жизни сложились успешно для меня очень рано. Когда я студентом работал в оперном театре в Красноярске, я чувствовал зависимость во всем – в профессии, в очереди в роль, в очереди за мясом, которое в театре с заднего крыльца продавали. Мне это было ужасно противно, и когда я получил свою первую премию на международном конкурсе, относительно быстро получил возможность передвигаться по всему миру, открывать пинком ноги те двери, которые для 99% всех людей наглухо закрыты, и вопросы бытовой зависимости были для меня закрыты раз и навсегда. Что же до творческой независимости, то она была почти всегда. Я знал, что я хочу делать, что я хочу петь и как я хочу петь. И это продолжается до сих пор. А абсолютная независимость приходит ко мне только на сцене. Абсолютное счастье, когда чувствуешь себя непререкаемым, богом, королем, когда можешь делать практически что угодно, и все в зале будут смотреть тебе в рот и млеть. Это совершенно удивительный момент истины, который приходит к тебе на сцене, и ради этого стоит жить и чувствовать определенную несвободу в

других обстоятельствах жизни. Потому что главное для меня – это, конечно, то, что происходит со мной на сцене.

– Сейчас, чтобы быть звездой, мало быть потрясающим профессионалом с прекрасной школой и великолепными данными. Нужно что-то еще. Что?

– К сожалению, нашим миром практически везде заправляют люди непрофессиональные. Потому что профессионалы занимаются своим, узким делом. А руководят всем часто непрофессионалы. И как это ни парадоксально звучит, для того чтобы быть на гребне, надо быть настолько лучше всех, чтобы это было понятно не только профессионалам, но прежде всего профанам, которые заправляют всем. Так что нужно постоянно расти. Нужно быть выше всех не на голову, а на три головы.

Факты из жизни Дмитрия Хворостовского

Красноярск. Родился 16 октября 1962 года в Красноярске. Окончил Красноярское педагогическое училище имени А. М. Горького, затем Красноярский институт искусств (класс профессора Е. К. Иофель), с 1985 по 1990 год был солистом Красноярского государственного театра оперы и балета.

Победы на конкурсах: 1987 г. – лауреат 1-й премии на Всесоюзном конкурсе певцов имени М. И. Глинки, 1988 – Гран-при на Международном конкурсе певцов в Тулузе (Франция), 1989 – победа и звание «Лучшего голоса» на телевизионном конкурсе Би-би-си. Ангажементы на Западе: Royal Opera House – Covent Garden (Лондон), Bavarian State Opera, Munich State Opera, Berlin State Opera, Teatro alla Scala (Милан), Vienna State Opera, Teatro Colon (Буэнос-Айрес), Metropolitan Opera (Нью-Йорк), Chicago Lyric Opera, оперная сцена Зальцбургского фестиваля. Ангажементы в России: Мариинский театр оперы и балета (Санкт-Петербург), московский театр «Новая опера». Репертуар: все, что написано для баритона.

CD: более 20. В России наиболее известны его альбомы «Я встретил вас» (русские романсы) и «Песни военных лет». Роли в кино: Лепорелло и Дон Жуан в фильме-опере по «Дон Жуану» В.-А. Моцарта (1999).

Личная жизнь: живет в Лондоне с женой Флоранс и двумя детьми. В Лондоне же живут его первая жена и двое детей от первого брака.
